

Жизнь идёт независимо от моего отлучения из Трио. Следствие это или нет, но повышается плодотворность моей работы руками. После нескольких неудач на старте, мне удаётся сотворить миниатюрное дубовое кольцо квиддичных ворот. Не кольцо в точности, а его модель — диск с круглыми углублениями. В центре диска с обеих сторон вытравлены руны — эйваз как символ защиты и йера для успеха. Смысл целого очевиден — защита, как ключ к успеху. Мой первый блин не комом в данном виде деятельности — второй сувенир Рону к рождеству — оказывается самым простым среди запланированных мной подарков.

Я уже сделал тонкую, но прочную книжную закладку для Гермионы с парой ансуз и соулу, которые смотрелись как F с двумя косыми линиями вниз и заглавная сигма соответственно, отражавшие мудрость и обретение. Незавершён был круглый медальон для Невилла с руной тейваз — направленная вверх стрела — для храбрости. Там оставалось выгравировать льва на обратной стороне. Хотя найденные в библиотеке рисунки гравюр сурово намекают на недостаточность моих навыков для изящной детализации.

Нельзя не упомянуть о самом крупном моём проекте — пяти рамках для фотографий. Ронова будет попроще и с иной, чем у остальных, фоткой. Ему предназначен первый экземпляр рамки. Вот эта вторая будет для Невилла, потом буду работать для Гарри, потом наконец — для Гермионы, и последняя рамка — Луне. Обе девичьи будут с наибольшим количеством деталей. К счастью, я уже сговорился с Деннисом Криви, чьё дружелюбие ко мне не иссякает с самого распределения, и заполучил его с братом помощь с самими фотографиями. Мне, в обмен на намёки о местах и временах, обещаны хорошие снимки Гарри и Ко.

Подвижки к завершению рождественских подарков блекли на фоне простого факта, что я расплатился с долгом МакГоннагал несколько дней назад. Причём полностью с заработков от её поручений. Мне также повезло заполучить несколько дополнительных галлеонов от заданий Хагрида. Профессор Баббллинг всё ещё не давала мне никакой оплачиваемой работы. Но мне удалось уговорить её предоставить мне инструменты для гравировки рун и некоторые необработанные материалы для набора из барьерных камней, по плану — также подарок к Рождеству. А по сути — это те же галлеоны.

Ещё одна новость тоже пришла через посредство МакГоннагал — Министерство отказалось от найма учащихся. К громадному огорчению Рона. Я всё ещё болтаю о пустяках с ним и Гарри в спальне, но отказываюсь как обсуждать что-то серьёзное, так и от предложений что-то сделать вместе. Не собираюсь вбивать клин между ними тремя. Им скоро этого придётся и так нахлебаться.

Добровольно-принудительной толпой мы торчим в сумерках около замка в ожидании иностранных делегаций. Большинство почему-то пялятся на дорогу в Хогсמיד, а всё моё естество дрожит в предвкушении. Вечность спустя упряжка гигантских летающих лошадей с соответствующего размера каретой материализуется на юго-восточной стороне неба. Поражённая толпа ахает, как единый организм. Даже на меня, знакомого с фильмом, вся упряжка вблизи да ещё вместе с вышедшей первой мадам Максим оказывают убойное впечатление.

Обменявшись приветствиями с Дамблдором, мадам Максим подаёт знак своим учащимся выбираться наружу. Опять я на мгновение выпадаю из реальности, когда осознаю, что

некоторые из них — мужского пола. Вот опять несоответствие фильму, хотя его абсурдность разделения гостей на только девушек-шармбатонков и только парней-дурмштранговцев мне стоило учесть заранее. Спустя пару минут французы начинают дрожать и ёжиться. Изящные мантии из тонкой ткани плохо защищают от холода и сырости. Только вот мне не до сочувствия — мой тщательно скрываемый ото всех взгляд бесстыдно поглощает образ Флер Делакур.

Делаю себе отметку — никогда не предлагать поддерживающие бюстгалтеры для волшебниц.

Впечатление от появления корабля Дурмштранга оказалось смазанным из-за трагедии ухода вышеупомянутой прекрасной ведьмы с соотечественниками в тепло замка. Всё действие мне напомнило “Пиратов Карибского Моря”: всплытие в стиле старого Летучего Голландца, сам корабль — вылитая Чёрная Жемчужина. Создающий впечатление покинутого командой, корабль причаливает и тут же начинает выгрузку пассажиров. Как мной ожидалось, весь вид Каркарова кричит о его скользкой и сволочной натуре. Бочком-бочком подкрадываюсь к трио посмотреть реакцию Рона на Крама. Младший из братьев Уизли меня не разочаровывает.

— Гарри, это же Крам! Не верю глазам своим! Крам, Гарри! Виктор Крам!

— Ради всего святого, Рон! Он всего лишь игрок в квиддич! — раздражённо высказывает ему Гермиона.

— Всего лишь игрок в квиддич!? Гермиона! Он лучший ловец в мире! Я даже не представлял, что он ещё учится в школе!

Качаю головой. Подумать только, у тебя в друзьях самый известный человек в Британии, и ты ещё не привык?

Пока мы насыщаемся экзотическими блюдами, поданными в честь наших гостей, я рассматриваю иностранных студентов вблизи. Да что там лукавить — я люблю Флер, только и исключительно. Хотелось бы сказать, что никакого отношения к её на четверть вейловской природе это не имеет, но врать самому себе — последнее дело. Она и вправду подходит к Гриффиндорскому столу забрать ненужный там буйабес. У меня появляется пара поводов для гордости — я не пытаюсь привлечь её внимание и умудряюсь скрытно смахнуть тоненькую струйку пущенной мной слюны. Орлиный взор нашей всезнайки немой приговором давит на сходящих с ума мальчишек. А вот я предстаю перед ней с закрытым ртом и не поедающим взглядом француженок. Возблагодарив свою удачу, бросаю взгляд вокруг. Жаль, забыл я, какая задница этот Каркаров для любого, кто не Виктор Крам. И зачем этот упиванец притащил с собой кого-то ещё?

Дамблдор представляет всем Крауча старшего и Людо Бэгмена. Последнего из них никогда не показывали в фильмах, и это первое моё впечатление от него. М-да, ублюдок ублюдком, что ещё сказать. Потом директор предлагает Филчу выкатить инкрустированный ящик, которого я не помню по фильму. Дотронувшись палочкой до крышки, Дамблдор извлекает оттуда Кубок Огня. Таращу глаза на артефакт вместе со всеми остальными и безотчётно стараюсь вспомнить, добрался ли уже до него Крауч младший? Хотя для него в этом нет необходимости,

ведь пользуясь глазом Хмури, он всегда может подгадать время, когда никого нет.

Непонятно, что мне-то делать? Решительно вмешаться в события сейчас? Следить за кубком всё время? Скорее всего это будет просто потеря времени, к тому же смертельно опасная для меня, и полная катастрофа для всех разумных планов моей помощи Гарри. Если уж мне не терпится вмешаться, то надо вернуть расположение Гермионы. Тогда я смогу влиять на ситуацию.

Остаётся мелочь — придумать план, как мне это осуществить.

* * *

После ужина истерзанный мозг так и не находит путей решения возникшей проблемы. На следующее утро за завтраком — тоже. Любуясь безуспешной попыткой Фреда и Джорджа, вспоминаю размышления о собственном возрасте. Я же тоже могу попытаться, причём мне не составит никакого труда выдать впечатляющее и совершенно иллюзорное представление. Что-нибудь в стиле индийских факиров, сидя за пределами линии в псевдо-йоговской позе — в настоящей йоге я полный профан — среди вспышек света и цветных дымов, якобы совершая ритуал ускоренного взросления. Интересно, смогу ли я выглядеть, как в покинутой реальности, на пару дюймов выше, изумляя народ до глюков.

Но только нет никакой гарантии, что я смогу пересечь возрастную линию — колдовской мир считает меня по-максимуму пятнадцатилетним. И вот тут я осознаю принципиальный идиотизм моей идеи. Даже только с имитацией, без реальной попытки пересечь линию, я окажусь у Гермионы в числе главных подозреваемых, положивших имя Гарри в кубок. Вычёркиваю все идеи, она будет меня подозревать. И ещё неизвестно, на что может решиться окончательно разочаровавшаяся во мне Гермиона и насколько роковыми для меня будут последствия.

Мысленно глажу себя по голове за то, что додумал идею до конца.

Быстро доедаю свою порцию и спешно отправляюсь к Хагриду. Надо показать свои достижения и по возможности заполучить пару подсказок для фоторамок.

— Вот привет тебе, Бад, — говорит полугигант.

— Привет, Хаг... — приветствие выкашливается из меня, когда я вижу его одетым в чудовищный коричневый костюм с оранжево-жёлтым в клеточку галстуком. Вдобавок к расплывшемуся в широкой улыбке лицу. — Здорово, Хагрид. А у тебя симпатичный прикид.

— Вот спасибо, Бад, — краснеет он. — Заходи, садись, поговорим. Я ещё не совсем собрался. Как твоя резьба продвигается?

— Вроде неплохо, погляди пожалуйста, — достаю квиддичное кольцо, закладку и недоделанный львиный медальон. Пока там только намечены детали, и всё.

Хагрид присвистывает.

— Работа простая, но чистая и ровная, — разглядывает он закладку и кольцо. — Потом легонько гладит медальон. — Похоже здесь у тебя узоры намечаются.

— Надеюсь получится. Они должны стать подарками к рождеству, но главные подарки — вот эти рамки для фотографий, — говорю, вытаскивая принесённую с собой одну из них. — С фотографиями, конечно. Эта вот удалась по большей части такой, как я хочу. Но хотелось бы получить у тебя пару-тройку советов по оставшимся деталям. Может есть примеры чего-то подобного?

— Здесь у меня всё не самое хорошее, но ты глянь на комод, и стену над ним тоже. Я тут пока попробую свои волосы в порядок привести.

Его лучшая, по моему мнению, рамка была для старой колдофотографии, на которой он пожимал руки профессору Дамблдору. Поверху рамки выгравирован грубый контур Хогвартса, резьба по сторонам напоминает о лозе и кистях винограда, которые, свисая, закрывают низ рамки. В нарочитой небрежности вида Хогвартса, похожего на тот, что открывается первогодкам на озере, чувствуется дух, который я никогда не смогу повторить. Это далеко за пределами моих умений.

— Та, на которой вы с директором — потрясающе, Хагрид!

— Угу. Наитончайшая моя работа. Не один месяц резал! — отзывается он из-за перегородки.

— У меня на такую уйдут годы.

— Да брось ты, Бад. Скоро ты меня превзойдёшь. Твои пальцы меньше и гораздо лучше приспособлены к таким тонким делам.

Ещё некоторое время изучаю остальное. Надо будет попробовать пару деталей и образов для рамки Гарри. А вот такая драпировка виноградом будет идеальна для Невилла. Потом вспоминаю ещё одну причину моего пребывания здесь.

— Хагрид, а ты давно говорил с Гарри, Гермионой и Роном?

Высунувшаяся голова выглядит блестящей и взъерошенной более обыкновенного. Гигант пытается расчесать свои космы, а для преодоления колтунов в гриве смазывает волосы каким-то жиром.

— На уроке разговаривал, конечно. Но здесь они меня не навещали уже довольно давно. А что? Вы же все хороший народ, Бад. Разве ты не друг им?

— Ну да, было дело, но... В-общем, кое-что случилось, и я уже давно не разговаривал с ними. Так, парой-тройкой слов перекинемся.

Хагрид выходит, всё ещё занимаясь своими волосами, и садится в своё громадное полинявшее кресло с регулируемой спинкой.

— А что случилось, если ты не против моего вопроса?

— Сложно это, — вздыхаю. — У них троих своя история, они уже три года вместе. И у меня впечатление, что они через многое втроём прошли.

— Да, так и было, — кивает Хагрид.

— Я же тут только с начала этого года, поэтому они не доверяют мне по-настоящему.

— Да не может такого быть! Как будто ты не про них говоришь.

— Это не... в-общем не слишком обычно. Думаю, я как-то поразил и испугал их слегка, открыв им кое-что. Но источник моих знаний — это часть моего прошлого. По ряду причин я не могу поделиться своим прошлым ни с кем. Ни с моим лучшим другом, ни даже с профессором Дамблдором. Я просто не могу!

Хагрид откидывается на спинку и задумчиво хмурится. Меланхолично замечаю, как он растирает жир по ручкам кресла.

— Ну где-то так. Твои тайны — тебе и решать кому их говорить. Но у них есть гораздо больше причин, чем у остальных для осторожности. — Он ещё размышляет несколько мгновений, потом мотает головой. — Извини, Бад. Я не слишком хорош в таких материях.

Сразу же после его слов стук в дверь заставляет Клыка прыгать и возбуждённо лаять. Внезапно меня торкает — Хагрид в костюме и напыленных волосах был в книге!

Ещё до того, как я успеваю что-то предпринять, Хагрид в два здоровенных шага оказывается у двери и открывает её. Рвусь к столу, на котором остались все мои заготовки для подарков, и поспешно рассовываю их по карманам мантии. Развернувшись, обнаруживаю заходящую

троицу. Парни ничего, а вот Гермиона разглядывает меня с подозрением.

— Привет, ребята.

— Ты как, Уильям? — спрашивает Гарри. Он и Рон всё ещё приятельствуют со мной. Я стараюсь не переходить с ними установленных Гермионой границ, и им не даю. Вот Гарри и не уверен в уместности фамильности со мной.

— Чё ты тут делаешь? — спрашивает не замечающий напряжения Рон.

— Да, Уильям, что ты прячешь? — спрашивает Гермиона с прищуром. Плохое начало для возврата её доверия.

— Да ладно вам, Рон, Гермиона, — начинает Хагрид.

— Всё нормально, Хагрид, — копаюсь в кармане, вытаскиваю и протягиваю им львиный медальон. — Тут просто кое-что, над чем я работаю.

— Что это? — спрашивает она, перевернув и проведя пальчиком по руне тейваз.

— Он ещё не закончен, но, надеюсь, будет рождественским подарком Невиллу.

Её глаза округляются, а я чувствую, как краснею от смущения.

— Как... думаешь, ему понравится? Если получится, конечно.

Рон наклоняется над плечом Гермионы для быстрого осмотра.

— По мне — так вполне прилично, приятель.

Из взгляда Гермионы пропадает подозрительность, заменяясь чем-то странным и нераспознаваемым для меня.

— Это блистательно, как ни удивительно.

— Кажется у тебя что-то ещё в заначке, — говорит Рон после небольшой паузы, стараясь заглянуть мне в карманы.

— В-общем, вам, ребята, не надо видеть остальные, — говорю, всё ещё сражаясь с румянцем и держа руки поверх карманов.

— А почему нет? — спрашивает Рон. — Если и остальные также хороши как этот.

— В-общем, тут у меня ваши и один для Гермионы тоже, Рон.

— Ух, — краснеет Рон. — Ну спасибо, приятель! Здоровская штука у тебя получилась, как мне кажется.

— На самом деле это только для Невилла, — позволяю себе лёгкую улыбку. — Тебе придётся просто подождать, чтобы увидеть своё, — и хмыкаю, увидев его нетерпение.

— Ты не должен делать ничего, — глядит в пол Гермиона.

— Не должен, — подтверждаю. — Но мне хочется.

Хагриду надоедает метаться взглядом между нами.

— Ох, ну что за ахинею вы тут вчетвером несёте? Знаете, Бад пришёл сюда спросить меня, как с вами всеми обратно подружиться.

Чувствую, как лицо ещё пуще пылает от неловкости.

— Хагрид.

— Нет, я должен сказать! Я не знаю о твоём прошлом, но оно не имеет для меня значения. Если вы не выучили ничего больше от Альбуса Дамблдора, то вам стоит знать, что он верит во второй шанс. Он дал мне его, когда никто другой не захотел. Вообще никто мне не верил, а он привёл меня сюда, — Хагрид делает паузу, чтобы вытереть слёзы со щёк, и я замечая, что остальные выглядят также пристыженно, как и я. Потом Хагрид показывает на меня. — Он — единственный ученик, навещающий меня регулярно при всяком удобном случае, а не только когда помогает мне с подготовкой к урокам. Поэтому, если кто и заслуживает второго шанса, то этот маленький парень вот здесь. — Надо отдать мужику должное — знает как пробудить в ком-то комплекс вины. А ещё он умеет — невзначай — рукой вбивать народ в пол наподобие железнодорожного костыля в шпалу. Одна надежда, что плечо только поболит-поболит, да перестанет.

Мы стоим, играем в молчанку, и вдруг человеко-снаряд с копной кудрявых волос врежется мне в живот и выбивает дух из меня.

— Прости меня, Уильям! Я не знаю, что... я имею в виду, я не думала... мне жаль! Хагрид прав, конечно. Ты сможешь меня простить?

Ухитряюсь втянуть немного воздуха в лёгкие.

— Я тебе уже говорил, Гермиона — я не виню тебя ни в чём.

— Нет, Уильям. Ты ведь не дал ни единого повода не доверять тебе. Я просто... Я просто сглупила.

— Ни в жись не поверю, что ты глупая, даже если ты будешь пытаться.

— Вот уж не знаю, — вставляет слово Рон. — Я так и не понял, за что она на тебя тогда наехала?

Чувствуя напрягшуюся Гермиону и видя, как Гарри тыкает локтем Рона, усмехаюсь на знакомую немую сцену.

— Неважно, теперь не имеет значения. Всё в прошлом.

— Хорошо, — рокошет Хагрид, хлопая в ладоши. — С этим всё. Теперь позвольте мне приготовить что-то на обед, и мы сможем насладиться этой замечательной субботой.

— Так, а что ты собираешься дарить Гарри? — спрашивает с ухмылкой Рон, пока Хагрид суется на кухню. — Про него ты ничего не сказал.

— Рон, — смущается Гарри.

— Я ещё не начал работу для него и Луны, — скалю зубы в ответ.

— Т-ты не обязан... — вдруг заикается Гарри.

— Проехали, — отмахиваюсь я. — Понятно, что это всё мелочи.

— Если они хотя бы вполтину так же продуманы, как для Невилла, то ты недооцениваешь себя, Уильям, — говорит Гермиона.

— А что там у Невилла? — спрашивает Рон. Жалостливо цокаю на полное отсутствие у него чувства такта.

— Там руна тейваз, которая означает храбрость, и будет вырезана голова льва на другой стороне, — говорит Гермиона, опередив мой ответ. Потом смотрит на меня с тем же непонятным выражением, что и раньше. — Так Уильям говорит Невиллу, что тот — часть факультета Гриффиндор. Вы же знаете, насколько он не уверен в себе.

Гарри и Рон рассматривают меня с изумлением.

— Где-то примерно так. Только не знаю, понравится ли ему. И кто знает — повлияет ли по-настоящему.

— Ему понравится, — говорит Гермиона уверенно, и я благодарно улыбаюсь.

— Знаешь, я скучал по тебе, — слова вырываются помимо воли, и я краснею. — Я имею в виду по вам, ребята.

— И я скучала по тебе, — шепчет Гермиона. — Я имею в виду — мы скучали, — добавляет она, широко улыбаясь.

— Вот и здорово. Ну что, собираетесь начать обжиматься прямо перед нами, да? — усмехается Гарри.

— Утихни, Гарри!

Я расплываюсь в улыбке, но вскоре она увядает при вспоминании о грядущем.

* * *

— Гарри Поттер, — зовёт Дамблдор, в его голосе слышится вопрос.

В зале наступает гробовая тишина. На лице вызываемого персонажа отражаются потрясение и страх, и я жутко ему сочувствую. Он даже не пробует встать.

— Я не клал своё имя в кубок, — говорит он Рону и Гермионе отрешённым голосом. — Вы же знаете это.

Рон и Гермиона молчат, раздражая меня.

— Я знаю, что ты этого не делал, Гарри. Это должно быть какая-то ошибка.

— Гарри Поттер! — ещё раз зовёт директор. — Гарри! Сюда наверх, пожалуйста!

— Иди, — слегка подталкивает его Гермиона.

— Что вы, чёрт побери, делаете!? — сердито шиплю им, когда он уходит за пределы слышимости. — Вы же знаете, что он этого не делал!

— Да, а ты как узнал? — бросает в ответ так же сердито Рон.

— Хотя бы один из вас был с ним всё время последние сутки, не так?

— А ночью? — кусает губу Гермиона.

— Он спит в одной комнате со мной и Роном.

— У него есть мантия, и он может смыться в любой момент, — всплывает Рон. — Вот так с ним всегда. — Обиженный Рон резко вскакивает и покидает зал.

Пристально смотрю на Гермиону, и она вздрагивает.

— Я-я знаю, что он не клал.

— Тогда почему ты ничего ему не сказала? Он думает, что вы оба бросили его!

— Я... не знаю. Я просто очень удивилась. Это его выражение лица. — Слезы дрожат у неё на ресницах. — Ох, Уильям! Он теперь возненавидит меня, да? Что нам теперь делать?

Не могу удержаться от игры на её нервах и зловеще усмехаюсь.

— Нет, Гермиона, не будет он тебя ненавидеть. Ему нужны друзья — люди, которые не покинут его, невзирая ни на что. Много горя испытает он от остальной школы. Человек несколько из Гриффиндора поздравят, но больше никто, за исключением нас и пары профессоров, не будет верить ему.

Лицо у Гермионы всё ещё в пятнах бледности и румянца одновременно, но она начинает оживать.

— А насчёт того что нам делать? Я вот собираюсь помочь ему выжить.

* * *

— А вот и он! — привлекает внимание народа голос от входа.

— Ты должен был нам сказать, как ты сумел вписаться! — орёт один из близнецов.

— Как ты это сделал без бороды? — спрашивает другой. — Блестяще!

— Я не при чём, — громко говорит Гарри. — Я не знаю как... — и тут его обнимает Анжелина.

— Ох, пусть не я, а ты, но всё-таки гриффиндорец!

Анжелина передаёт эстафету Кати Белл.

— Ты сможешь отплатить Диггори за наш последний матч, Гарри!

— Мы тут еды натащили, Гарри, давай, присоединяйся.

— Но я не...

Меня достало. Поднимаю вверх руку ладонью вверх и толкаю туда малую каплю.

БУМ! Раскатистое эхо пистолетного выстрела отражается от стен пещероподобной гостиной, сыграв трещотку моими зубами.

Как-то слишком для капельки. Похоже, не стоит это делать разозлённым. Остаётся надеяться, что в ушах у всех остальных звенит не менее скверно, чем в моих.

— На случай, если вы оглохли и не слышали его, — говорю, пристально глядя на группу “доброжелателей”. — Он не клал своё имя в кубок и поэтому не в настроении праздновать. А может вы забыли, что участники умирали на этих турнирах?

Гарри проталкивается из толпы и благодарно мне кивает. Я успокаивающе кладу руку ему на плечо и следую за ним в спальню, оставляя набирающие силу перешёптывания в кильватере.

— Извини за шум, Гарри, — говорю, пока мы взбираемся по лестнице.

— Не за что, — мотает он головой. — Тебе спасибо. Как считаешь, сработает?

— Наверное нет. Они забудут про этот маленький эпизод через несколько минут. Гермиона тебе верит, кстати. Она жутко нервничала, и я отправил её выплакаться к себе, а то расклеилась бы тут у всех на глазах.

Он облегчённо вздыхает, когда я открываю дверь. Потом он смотрит на кровать Рона, где рыжий лежит всё ещё полностью одетый и наблюдает наше появление.

— Рон...

— Привет, — говорит отстранённо-безжизненным голосом Рон.

Ну вот, началось.

* * *

На следующее утро просыпаюсь раньше всех, но не ухожу, а сначала читаю, потом вырезаю. Рон уматывает до того, как встаёт Гарри. Я не гляжу на рыжего, но чувствую его настойчивый взгляд до самого ухода.

— Очнулся, спящий красавец? — стараюсь подбодрить расстроенного Гарри улыбкой.

Тот угрюмо кивает и быстро набрасывает мантию.

— Ладно, тогда пошли найдём Гермиону.

Но в гостиной её нет. Утро позднее, поэтому предлагаю попробовать успеть позавтракать. Кажется братья Криви хотят поговорить с Гарри, но моё присутствие заставляет их ёжиться. Вот блин, надеюсь я не расстрелял свои шансы заполучить фотки вчерашним бадабумом. Прямо на выходе за портретом мы нос к носу сталкиваемся с взбирающейся вверх Гермионой.

— Привет, — протягивает она пару салфеток с завёрнутыми в них тостами. — Я вам тут принесла кое-что. Погуляем?

— Отличная мысль, — благодарно отвечает Гарри.

— Я схожу позавтракать, а вы можете спокойно поболтать, ладно?

— Нет, — сразу возражает Гарри.

Гермиона прикусывает губу, но молчит.

Мы отправляемся к озеру, а по дороге Гарри восстанавливает события и подводит итог всему произошедшему вчера после его ухода из-за гриффиндорского стола. Сюда включены детали встречи с другими чемпионами, директорами, профессорами и людьми из Министерства, о которых я не имел совершенно никакого представления. Я забыл, что Хмури практически рассказал, как он положил имя Гарри в кубок. Совпало и то, в чём я и так был уверен — дата первого задания, двадцать четвёртое ноября. Потом Гарри хихикает, рассказывая, как здорово я заткнул всех в гостиной.

— Это был ты? — округляет глаза Гермиона. — А я удивлялась. Сначала грешила на землетрясение, потом на близнецов — петарду грохнули или фейерверк.

— Получилась чуток погромче, чем задумано.

— Да-да, не сомневаюсь. — бросает она мне и переключается на Гарри. — В-общем, конечно, я знала, что ты не бросал своё имя в кубок, — бросает она взволнованный взгляд в мою сторону.

— У тебя такое лицо было, когда Дамблдор объявил твоё имя. Но вопрос в другом — кто положил твоё имя в кубок? Потому, что Хмури прав, Гарри. Не похоже, что это кто-то из студентов смог обмануть кубок или пройти сквозь Дамблдорову...

— Ты видела Рона? — внезапно спрашивает Гарри. Она колеблется.

— Эм... да... на завтраке.

— Он всё ещё думает, что это я сам устроил?

— Да, он думает, — прерываю я её. — Видел как он уходил этим утром, ворча и бросая обиженные взгляды.

— Это не так, — Гермиона покусывает губу. — Гарри, разве не очевидно? Он завидует!

— Завидует? — яростно вспыхивают глаза Гарри.

— Гарри, всё внимание всегда получал ты. Это не твоя вина, и к славе ты не стремился. Но... ты же знаешь — у него куча братьев, сплошная конкуренция дома. А ты его лучший друг, ты действительно знаменит, а он получается всегда в стороне. Все видят только тебя. Вот ему это всё надоело, пусть он прямо не сказал, но похоже в этот раз его терпение переполнилось.

— Прекрасно, просто прекрасно. Передай ему от меня, что я обменяюсь с ним в любой момент по его желанию. Скажи ему от меня — милости просим во всё это. Шрам тоже подарю, пусть все на него теперь таращатся...

— Не буду я ему ничего говорить, — заводится Гермиона. — Сам скажи. Это единственный способ уладить всё.

— Я не собираюсь бегать за ним всё время, стараясь заставить его повзрослеть! Что ему надо поверить, что мне это всё совершенно не в кайф? Шею себе сломать? А?

— Не смешно, Гарри. Совсем не смешно.

Пытаюсь сдерживаться, но что-то они зарвались.

— Охолони, Гарри. Оставь пока его. Может сам повзрослеет и придёт в себя? А у нас есть вещи поважнее для тяжких дум.

— Уильям! — шипит Гермиона.

— Это правда, Гермиона! Рон не шутил, а всерьёз. Может он проглотит свою ревность, но я бы не рассчитывал. Всё что он видит — деньги, слава и престиж турнира, но совершенно не понимает опасности. Никто не понимает. — Кроме меня. — Первое задание всё расставит по местам.

— Угу, я испытываю громадное облегчение, — саркастически замечает Гарри.

— Ты не Винни-Пух, чтобы я тебе тут всё мёдом замазывал, — строю ему рожицу. — Да шучу я, Гарри. Первое задание будет лёгкой прогулкой с ветерком! Всё что нужно, это колдануть приличные щитовые чары, а потом мы все вместе будем песни распевать, кушать радугу и жить долго и счастливо до скончания дней!

Фырканье Гермионы сильно снижает впечатление от её сурового взгляда.

— Ты странный мужик, Уильям, — ухмыляется Гарри. — Чудной уж очень.

— Нет, ну ты подумай. Радуги могут быть очень вкусными.

— Ты не можешь есть радугу, Уильям, — закатывает глаза Гермиона.

— Чепуха! Ты что, никогда не слышала про “Скиттлс”?

Гермиона морщится и отворачивается, но я замечаю как гримаса перерастает в улыбку. Дальше идём в тишине, но Гермиона явно что-то хочет сказать. Гарри должно быть также чувствует.

— Что у тебя, Гермиона?

— Эм... в-общем... я тут подумала... тебе стоит написать... твоему кр... твоему другу.

Ага, намёк понял.

— Ладно. Дам вам поговорить тет-а-тет. Пока пойду, займусь своими делами. Как насчёт встретиться после обеда в выручай-комнате и попытаться понять, над какими заклинаниями Гарри стоит поработать? У нас всего-то чуть больше трёх недель, чтобы подготовить его к д... турниру. — Фью-у-у. Ты только что чуть не разрушил полностью свою собственную легенду, гений шпионажа.

Парочка друзей обмениваются быстрыми взглядами.

— До встречи, Уильям, — говорит Гермиона.

* * *

— Итак, что ты знаешь о Сириусе Блэке? — спрашивает Гермиона, как только мы приземляемся на свои подушки в салоне выручай-комнаты.

Вопрос прямо “под дых”, как говорится. Я могу знать больше этих двоих на данный момент, но не уверен, какая часть этого “знания” пришла из фанфиков.

— Вижу ты что-то знаешь, — давит Гермиона.

Смотрю вопросительно и слегка киваю.

— Знаю, что он был обвинён в предательстве родителей Гарри Волдеморту и убийстве Питера Питегрю вместе с двенадцатью магглами, на чём и был пойман. Сдался без сопротивления и провёл примерно двенадцать лет в Азкабанах без суда до своего побега в прошлом году. Был пойман здесь, но как-то снова сумел бежать.

— Какой интересный выбор слов, Уильям, — поднимает бровь Гермиона. — Сейчас, подумав, я наконец понимаю, что меня всегда беспокоило в тебе. Ты не удивляешься ничему и ничего и никого не боишься. Значит ты знаешь гораздо больше, чем простой новичок.

У Гарри падает челюсть, а моё лицо заливают краска стыда. Чёрт побери, сперва я мог соврать, но, очевидно, в данном случае я сам себя перехитрил. И что теперь?

— Уильям?

— Да, Гермиона?

— Пожалуйста не лги мне сейчас. Ты знаешь ещё что-то?

— Да, — ёрзаю я под её взглядом.

— И?

Гарри весь подаётся вперёд в ожидании ответа. Гермиона выглядит так же, и я с облегчением отмечаю отсутствие гнева в ней. Вдыхаю.

— Он на самом деле не предавал твоих родителей, Гарри, и не убивал Питера Питегрю. Сириуса собирались сделать хранителем секрета, но он в последний момент предложил использовать вместо себя Питера. Именно Питер предал, и Сириус атаковал Питера, как только нашёл его. Последний то ли сам себе отрезал, то ли потерял в схватке палец, обернулся в свою анимагическую форму — крысу — и улизнул, попав в итоге к Уизли, где жил как домашний питомец по имени Короста, — чуть не выложил больше, но хорошо, что сумел остановить себя.

Гарри кивает, но Гермиона выглядит даже более сконцентрированной.

— Продолжай.

— Гермиона, он не может...

— Нет, Гарри, он знает. Уильям, я наконец тебя раскусила. Вижу, что ты знаешь больше, много больше. Пожалуйста, продолжай.

Обдумываю ситуацию, стараясь выделить в голове наиболее безопасные куски информации.

— Сириус увидел в Пророке фото Уизлей, сбежал из Азкабана в своей анимагической форме пса и добрался до Хогвартса, чтобы спасти Гарри от Питегрю. Ведь Сириус — крёстный Гарри.

— Ты ещё не закончил.

Я и так рассказал больше, чем мог бы знать по всем канонам, но сейчас мне уже хочется вывалить на них всё.

— В прошлом году профессором ЗОТИ был Ремус Люпин, четвёртый мародёр в компании Питера, Сириуса и твоего, Гарри, отца. Сириус и Ремус поймали Коросту, похитив Рона. Ты и Гарри последовали за ним под Дракучую Иву, где вас посветили в правду. Появился Снейп, но

вы вырубили его одновременными заклятиями разоружения. Гарри не дал Сириусу убить Петигрю, но по пути назад в замок Люпин пребрatился в оборотня, и Питер сбежал в суматохе. Сириус обернулся псом и отвлёк Люпина, чтобы вы смогли сбежать. Гермиона утащила Люпина в сторону, а Гарри остался с Сириусом, где был атакован стайей дементоров, от которых их спас патронус-олень. В бессознательном состоянии всех вас доставили в больничное крыло, а Сириуса посадили под замок. Ты использовала свой хроноворот, чтобы вместе с Гарри вернуться, спасти Клювokрыла от казни и самих себя от дементоров, когда Гарри вызвал своего патронуса-оленья. Потом вы на Клювokрыле вытащили Сириуса из заточения, позволив им вдвоём сбежать. — Тут я издаю вздох утомления и откидываюсь на спинку дивана.

Теперь уже они вдвоём сидят в остолбенении, раскрыв рты. Я тоже молчу, переводя взгляд между ними.

— Как ты можешь это знать? — тихо спрашивает Гермиона. — Максимум ещё три человека, кроме нас, знают это всё. Как ты смог?

— Извини, — вздыхаю, — я не могу ответить. И, кстати. Мы что-то отвлеклись от обсуждения Сириуса.

— Что ты ещё знаешь про него? — спрашивает Гарри. Выглядит он заинтересованным и без малейшей степени недовольства. Хороший знак.

Закинув голову назад, обдумываю вопрос.

— Я упоминал мародёров, поэтому, конечно, я знаю, что он учился на одном курсе с твоими родителями, Петигрю и Люпиным. Люпин уже был оборотнем тогда, поэтому они все стали анимагами, чтобы не бросать его в одиночестве. Снейп учился на том же курсе, кстати. Друг друга они страстно ненавидели, и это одна из причин ненависти Снейпа к тебе. Кое-что я знаю про семью твоего крёстного. Его младший брат, Регулус, стал упивающимся смертью и пропал где-то ближе к концу войны. У него есть кузины: Беллатрикс Лестранж — сумасшедшая упивающаяся смертью, сейчас сидит в Азкабана, Андромеда Тонкс, которую изгнали из семьи за то, что вышла замуж не за чистокровного, и Нарцисса Малфой — мать Драко. Да, Сириус на данный момент — глава Древнего и Благородного Дома Блеков, как его предки сами себя провозгласили, поэтому он богатенький буратина. Ну да ты и сам мог догадаться, когда он тебе Молнию купил, — улыбаюсь, передыхаю, проверяя закрома своей памяти. Больше мне особо нечего сказать о семье или их будущем, поэтому киваю сам себе. — Знаю ещё несколько имён, как Арктурус и Вальбурга — мать Сириуса, но практически ничего про них не помню. Ой! Почти забыл про Финнеаса Найджелуса Блека, который был директором Хогвартса давным-давно.

— Это невероятно, Уильям! Откуда ты... — начинает Гарри, но останавливается, бормоча проклятья под нос. — Извини, вход воспрещён, я знаю. Ты можешь... ты что-нибудь ещё можешь рассказать?

Втягивая, прикусываю губы в раздумье.

— Без абсолютной уверенности. Не особо рассчитывай, но ты и Сириус кто-то типа двоюродно-троюродных кузенов, кажется, — это из пары фанфиков, но авторы божились, что всё соответствует дополнительным материалам от самой Роулинг в Поттер Вики. И, кажется, самому Гарри это нравится — вон как лицо засияло. Решаю углубить его радость и заодно слегка потроллить героя. — Из Блеков была то ли твоя бабушка, то ли прабабушка по отцовской линии — Дорея Поттер, в девичестве Блек. Так, что у тебя через них в Хогвартсе ещё, кроме Драко, сейчас учатся минимум четверо родичей только на Гриффиндоре. — И на его вопросительный взгляд уточняю. — Мама Артура Уизли — тоже из Блеков. Так что можешь считать их своей семьёй и по крови тоже, — тут я вспоминаю про Рона, поэтому быстренько перевожу стрелки подальше. — Я уверен, если поискать и учесть не только Блеков, то примерно той же, я уж не говорю о более дальней, степени родства у тебя наверное четверть, если не половина Хогвартса. Например Эбботы веками жили в одной деревне с Поттерами, и наверняка были взаимные браки, — тут я вспоминаю о натянутых отношениях с хаффлпафцами и решаю замолкнуть. Совсем я страх потерял, дорвался, называется. Павлин, блин. Всё, бросаю грузить народ ненужной сейчас ерундой.

Гермионы смотрит в никуда и сжала губы в раздумьях — вернейший признак, что она старается принять и разложить по полочкам всю вываленную мной информацию. Это так приятно — поделиться полезной информацией, но мне пора задуматься — что и сколько она вытащит из неё?

— Ты говорил мне о тайнах, помнишь? Ты знаешь очень много наших, правда? — спрашивает она, глаза впиваются в мои. Если бы я не знал, то предположил бы, что она владеет легилименцией. Перевожу взгляд чуть в сторону, от греха подальше.

— Про все не знаю, но про многие — да, имею представление.

— Говори.

Несколько мгновений молчу.

— Я знаю про ваши приключения в Хогвартсе. Как Гарри стал ловцом на первом курсе, тролль, философский камень, Норберт, про Пушка и про ловушки других профессоров, про отработку в Запретном лесу и зеркало Еиналеж, про захват Квиррела духом Волдеморта и как Гарри, дотронувшись, победил его. Второй курс — одержимость Джинни дневником, плакса Миртл и обратное зелье, змееустость Гарри и его бойкот почти всей школой — ничего не напоминает, а? Ну и не забыть про василиска, твоё, Гермиона, окаменение, отразившееся в него самого заклятие Локхарта, использовавшего сломанную палочку Рона, освобождение Добби, и наконец яд василиска и слёзы феникса в твоей крови, Гарри. Про третий курс я уже рассказывал.

Гарри издаёт несколько шипящих звуков, глядя в пол.

— Извини, сам я по-змееязыски не шпрехаю, — криво ухмыляюсь я.

Гермиона слегка свистит на выдохе.

— Да уж, Уильям. Мне нечего предположить, чтобы объяснить тебя. Никто из упивающихся смертью не знает всего этого. Я уверена, что даже Сириус не знает так много. Дамблдор может. А значит самое логичное предположение — это он рассказал всё тебе и поместил сюда для помощи нам. Я права?

Я слишком долго обдумываю возможность ответить положительно, и она шлёпает меня по плечу.

— Правду, Уильям!

— Нет, не он, — позволяю себе вздохнуть. — Он не знает обо мне, и не нужно ему знать. Я вам говорил, что он легилимент, и... — качаю головой. — Будет плохо, если он узнает. Давайте на этом остановимся.

Гермиона трёт виски.

— Что же ты такого знаешь, что делает слишком плохим вариантом его знание о тебе? — спрашивает она практически сама себя.

— Пожалуйста не пытайся тратить много времени на разгадку, — стараюсь говорить тихо и убедительно. — Спроси о ком-то ещё. Как насчёт Снейпа? Снейп был упивающимся смертью, если вы ещё об этом не знаете. — Бледные лица отвечают на этот вопрос. — Вижу, что нет. Это правда, у него тёмная метка Волдеморта на левой руке. Хотя сейчас Снейп на стороне Дамблдора, пусть он от этого совершенно не в восторге.

— Почему ты так уверен, что он на стороне Дамблдора?

— Есть причины, и не одна. О чём-то я знаю, о каких-то только предполагаю. Он был знаком с твоей матерью ещё до Хогвартса, Гарри. Он любил её... и всё ещё любит. Снейп умолял Волдеморта пощадить её, но тот не пожалел и убил. Это наверное главная причина его ненависти к тебе — видеть её глаза на лице человека, который завоевал её сердце. Причина эгоистичная и даже безнравственная, но такой уж он человек. Одновременно при каждом взгляде на тебя он вспоминает свой провал, свою беспомощность и теперь-то понимаемую бессмысленность бесплодной попытки спасти Лили.

И снова они замирают в тишине, усваивая эту информацию.

Вскоре шестерёнки в мозгах Гермионы снова приходят в движение, и я чувствую её готовность задать следующий вопрос. Но неожиданно Гарри успевает первым.

— Ты можешь рассказать мне о родителях? — очень тихим голосом спрашивает он.

— Извини, Гарри. Почти всё, что знал, я уже рассказал. Ещё знаю, что у тебя целая плеяда предков, уходящая вглубь веков. Можно проследить её вплоть до... самого Гриффиндора, — тут я улыбаюсь. Хорошо, что я вовремя сообразил и не сказал о Певерелле, ведь они ничего ещё не слышали о Дарах Смерти. — Твоя мать была магглорожденной и выдающейся ведьмой. Совсем как Гермиона. Твой отец любил летать, также как ты, но он, мне кажется, играл охотником. Твои родители были главными старостами на последнем курсе, хотя старостой Гриффиндора был Люпин. Вы жили в Годриковой лощине, когда на вас напал Волдеморт. Там твои мать с отцом и похоронены.

Замираю от поразившей меня мысли, и кровь отливает от лица.

— Что такое? — тут же спрашивает Гермиона.

— Я только что кое-что вспомнил и осознал. — Мысли мечутся в голове, а я пытаюсь понять, что и в каком объёме мне надо им рассказать.

— Тогда давай, вываливай!

С трудом сглатываю, потом облизываю полностью сухие губы.

— Если я расскажу вам, Дамблдор будет очень мной недоволен, если узнает о моей роли. И вы тоже можете оказаться очень недовольными Дамблдором.

Глаза у них округляются совершенно одинаково.

— Валяй! — командует Гарри.

— Гарри, есть важная причина, почему Волдеморт напал на вашу семью, убил твоих родителей и пробовал убить тебя.

<http://tl.rulate.ru/book/53673/1360129>